

Мастер интриги

Так нередко называют популярного телеведущего Владимира Соловьева

СТАВ ГОСТЕМ VII фестиваля прессы в Магнитогорске, он охотно общался с коллегами. На пресс-конференции был резок, иногда груб в своих суждениях и очень откровенен — иногда даже слишком. Осталось непонятным только одно: кто есть человек по имени Владимир Соловьев, окончивший институт стали и сплавов, защитивший докторскую диссертацию по экономике, начавший и развивший успешный бизнес, а в финале сделавший оглушительную карьеру в СМИ? Получив добро на эксклюзивное интервью, я решила все выяснить.

Начну с места в карьер. Вас по праву называют мастером интриги: вы легко сталкиваете людей лбами и весьма виртуозно режиссируете их поведение и даже эмоции. Для того чтобы владеть этим умением, в жизни тоже необходимо быть язвительным циником или можно позволить себе стать мягким, белым, пушистым и весьма покладистым человеком?

— Наверное, можно, но у меня никогда не получается. Камера «вытаскивает» из человека то, что у него запрятано глубоко внутри — обмануть невозможно. Правда, зачастую люди сами хотят обманываться, но то, что они видят на экране, чаще всего является сущностью участников моей программы. Я бы не сказал, что я сталкиваю людей лбами — скорее, я удерживаю их от грубостей в адрес друг друга. Мне интересны люди: когда ты их внимательно слушаешь, ты понимаешь, в чем их конфликт. И можешь задать вопросы, точно попадающие и помогающие им обнажить свою позицию.

Вы сами испытываете симпатию или антипатию к своим героям?

— Конечно — всегда.
— То есть один герой вам всегда приятнее, чем второй?

— Нет, не всегда, иногда оба хуже. А иногда могут быть оба очень приятны.
— Я так аккуратно подвожу вас к следующему вопросу: влияете ли вы хоть когда-нибудь на исход поединка?

— Понимаете, в чем дело: если я не влияю на исход программы, я напрасно работаю. Но влияю я не своими симпатиями, а тем, что пытаюсь максимально точно соответствовать моменту. Ну, например, дерется у меня в эфире Олег Миттель против Лозы. Миттель говорит лучше, так что позиция Лозы при этом остается нераскрытой. И в третьем раунде я как бы встаю на позицию Лозы, помогая тем самым ему сформулировать точку зрения.

Кто победил в итоге?

— Лоза, хотя до этого он очень существенно проигрывал. То есть в третьем раунде я усиливаю слабую сторону своими вопросами, но никак не склоняю зрителей к выбору в пользу того или иного героя.

Именно этому вы учите молодых журналистов? Или вы считаете, что этой профессии научить в принципе невозможно, с этим надо родиться?

— Я думаю, учить людей можно лет до 16–17, потом люди учатся сами. Каждый, кто приходит на мои мастер-классы, — сам мастер. Здесь, скорее, идет обмен мнениями: мне есть чем поделиться, но мне также хочется услышать людей. Это, в первую очередь, возможность пообщаться с коллегами.
— У вас пятеро детей — в нашей стране это много даже для богатого человека. Число наследников — это мечта или, что называется, так получилось?

— Это уже не мечта — это реальность. Может, и больше будет — я всегда рад. А насчет «так получилось» — нет, хотя сама по себе фраза, конечно, очень трогательная. Это не в том плане, что не сумел контролировать дыхание, и — бах! — очередной ребенок. Начнем с того, что у меня за плечами три брака. Многим людям бог не дает детей, и они переживают, ходят по врачам, молятся... А у меня вот, слава богу, получается.

Как человек, стремящийся к объективности, вы можете быть объективны по отношению к соб-

ственным детям или для вас они самые красивые, умные и талантливые?

— Я не могу сказать, что я стремлюсь к объективности: человек по своей природе субъективен. Просто я пытаюсь внутри себя очистить кристалл. Журналист — как зеркало: он должен отражать реалии, и это возможно только в том случае, если он сам отполирован, не замутнен. Если твое сознание не подобно глади озера в штить, то ты начинаешь реагировать неправильно: поднялся легкий ветерок — пошла рябь, и отражение гор исказилось. Журналисту нужно уметь себя чистить, но делать это надо не равнодушием, а знанием. А объективен ли я к своим детям... Не могу сказать — я их очень люблю, поэтому... Конечно, я знаю, что они не лучше всех в мире. А может быть, и лучше. Мне важно, чтобы они просто были хорошими людьми.

Ну, скажем, если к вам придет дочка или сын и скажет: «Папа, я хочу стать журналистом». Найдете ли вы в себе силы сказать, если что: «Это не твое: ты недостаточно талантлив или силен для этого»?

— А я не имею права говорить им такое. Они самостоятельные люди, должны попробовать, и жизнь сама скажет, их это или не их. А насчет таланта — конечно, для меня мои дети гениальные. Мне понравилась фраза, которую недавно сказал мой сын, которому скоро будет четыре годика. Я ему: «Иди сюда, я тебя поцелую». А он в ответ: «А чего меня целовать-то? Я что — женщина, что ли?»

Для вас, судя по всему, самостоятельность в мышлении и поступках — основополагающее качество в людях?

— Не основополагающее, но очень

«Журналист — как зеркало: он должен отражать реалии, и это возможно только в том случае, если он сам отполирован, не замутнен»

важное. Как личности мои дети ни в коей мере не проигрывают мне, так что как можно им диктовать свою волю? Они мне не рабы — они мне дети. Моя задача — понять, почему ребенок поступает таким образом.

С тем грузом знаний и открытий в людских душах вам жить легко, трудно, весело или грустно?

— Мне жить комфортно, потому что я себе не вру. На мой взгляд, это одно из главных требований к журналисту — быть честным с самим собой. И меня бесит отговорки вроде: да ладно, жить-то надо, ты посмотри, сколько нам платят! Я не принимаю теорию лжи во спасение.

Вы сказали, что критерием журналистской этики в плане того, что можно показывать по телевизору, а что нельзя, является то, можете ли вы показать это своим детям. Но ведь родители разные: кто-то оберегает детей от поцелуев до 18 лет, а кто-то спокойно говорит с ними о сексе лет эдак с 10.

— Поэтому я и говорю конкретно: вы сами, ваши дети и ваши статьи, теле- и радиосоюжеты. Нормы, конечно, можно выработать, но если даже я буду говорить вам, что можно показывать, а что нельзя, вы все равно протащите в эфир то, что считаете нужным. У вас должно быть внутреннее убеждение — это уже критерий культуры.

Ну, хорошо: теракт в Нью-Йорке можно показывать в прямом эфире без цензуры?

— Да, можно. А какая там может быть цензура?

Так, а штурм школы в Беслане?

— Нет. И так слишком много показали когда-то в Норд-Осте, поэтому так тяжело было в Беслане. Еще есть такое понятие, как государственная тайна, и это уже не вопрос этики. Этика — это когда ты в момент падения человека с высоты, скажем, крупным планом берешь его лицо. За что уволили главного редактора «Известий»? За абсолютно аморальные фотографии из Беслана.

Вы очень любите свою профессию?

— Я не знаю, что такое любимая про-

Фото Евгения РУХМАЛЕВА

смогли бы принять участие в качестве героя?

— Не хочу ни в какой — это нарушение жанра. Мы придумали очень красивый формат, понимаете? И было бы неправильно самому вставать у барьера. Знаете, в чем еще одна большая проблема журналистики? Многим журналистам кажется, что они собой могут подменить человека любой профессии. Поэтому многие журналисты идут в ту же политику. Это ошибка.

Как вы относитесь к банальностям и в программах, и в жизни: стараетесь избегать или принимаете их?

— Если они необходимы, то спокойно.
— Ну, скажем, в день рождения родным и близким чего желаете: банальных здоровья-счастья или придумываете что-нибудь эдакое?

— Я к «такому-эдакому» спокойно отношусь. Когда ты чего-то желаешь, главное — делать это искренне. И потом, сложно в мире сказать что-либо, чего до тебя никто не говорил.

У вашей жены мягкий характер?

— Ничего подобного — кремь!

Значит, вы похожи?

— Ну, надеюсь, не внешне. А вот характером — да. Она взрывная, в ней намешано многих всяких кровей, у нее отличное чувство юмора.

Правда, что знаменитый сатирик Виктор Коклюшкин ваш тесть?

— Правда.

Вы сказали, что много путешествовали. Есть любимые страны?

— Есть страны, где мне комфортно.

Думаю, не ошибусь, если скажу, что комфортнее всего вам здесь?

— Кстати, как ни странно, нет. Мне не очень комфортно в России, хотя я безумно люблю Россию, обожаю русский язык, у меня здесь друзья, мне нравится природа, но... Меня очень многое в России не устраивает.

Виртуозное владение языком — это рождение, спасибо маме с папой или результат учебы и долгих тренировок?

— Я отношусь к языку как к хирургическому инструменту. Мне он необходим для проведения операции, поэтому он должен быть абсолютно точен и предельно отточен.

Так откуда мастерское владение им, от рождения?

— Нет, от уважения к собеседнику.

— Естественно, должна быть и предрас-

положенность, и некое генетическое объяснение. Я, например, знаю много талантливейших людей, которые не очень хорошо говорят, но при этом замечательно пишут. Многие писатели гораздо лучше выражаются на листе бумаги или на компьютере, чем живым словом — это иной мир. Радио очень развивает реактивность. Когда ты каждый день в эфире, конечно, ты вырабатываешь ориентир.

Тираж вашей книги — 50 тысяч экземпляров. Это много?

— Это довольно прилично. Книга продается хорошо — она долго стоит в списке бестселлеров, причем книгопродавцы в нее поначалу не верили: жанр нечитабельный. Почти готова к выпуску моя вторая книга — «Апокалипсис от Владимира».

«Евангелие от Соловьева», «Апокалипсис от Владимира»... Третья, смею полагать, будет что-то от Рудольфовича?

— (Смеется.) Да, практически.

Оттого, что очередное ваше детище имеет грандиозный успех, испытываете кайф?

— Да у меня, честно говоря, и без этого не было проблем ни с шумом, ни с успехом. Я написал книгу, потому что хотел написать книгу, никакой специальной цели я не ставил. Если бы она была продана в количестве одного экземпляра, меня бы это вполне устроило.

Мне кажется, вы лукавите.

— Да нет, это правда. Потому что когда в моем положении ты пишешь книгу, это играет, скорее, в минус, чем в плюс: вызывает больше кривотолков, негатива.

Что-то вроде: о-о-о, еще один выискался писатель!

— Да, совсем, мол, с ума сошел, евангелист хренов. Я много всяких глупостей о моей книге наслушался. Я ко всему отношусь спокойно: кто-то понял, кто-то — нет.

А что означает знак на книге: вытянутые вперед кисти рук с соединенными большими и указательными пальцами?

— Считается, что с этим жестом к евреям выходил первосвященник Аарон, которого назначил Моисей. Когда он транслировал божественную волю, он делал такой жест — знак трансляции божественной воли. Хотя одни добрые люди в Интернете окрестили этот знак «как я работал гинекологом».

Это одна из тех глупостей, которую вы слышали о своей книге?

— Да, но она хотя бы более-менее забавна. А одна госпожа написала: «Книга, как и все, что делал раньше господин Соловьев, традиционно интеллектуально несостоятельна». Меня это позабавило: в интеллектуальной несостоятельности меня еще не обвиняли.

Вы сказали на пресс-конференции, что считаете глупостью фразу: «Читатель всегда прав». Тогда для кого же работает журналист?

— Наша работа — это наши внутренние отношения с богом. В конечном итоге, когда человек умирает, его судит не народ, а тот, кто может запросто сказать: а ты, старичок, — в ад! И на его суд ты приходишь без профсоюзной характеристики и без группы товарищей. Поэтому, как ни смешно звучит, мы должны работать, в первую очередь, для себя. Когда ты себе по утрам совесть не заливаешь, тебе и так легко, значит, ты все делаешь правильно.

Чего-то в жизни еще хочется или все уже есть? Вот именно для себя, а не для страны и мира?

— Для себя как раз всего хочется — всегда, поэтому и по магазинам ходим. Как мужики снимают стресс? Смотрят на красивых женщин, изредка выпивают, играют в футбол и много и глупо шопингуют. Причем, если у женщин это, в основном, косметика, то у нас — машины.

...В это время мы проезжаем мимо рекламного плаката. И Соловьев, отвлекаясь от беседы, восклицает: «Нет, это может быть только в России!» Рекламный щит гласит: «Шевроле-Нива — там, где он должен быть». И все бы ничего, да вот только стоял этот щит... возле поминальной ямы.

Рита ДАВЛЕГШИНА